

Ю.А. Панькина,

старший преподаватель факультета фундаментальной физико-химической инженерии МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: juliana_100@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ XXI ВЕКА

В предлагаемой статье затрагивается вопрос о смене приоритетов в русском художественном переводе XXI века на уровне переводческой стратегии. Рассматриваются предпосылки и результаты подобной аксиологической трансформации. В качестве основного иллюстративного материала служит русский перевод трагедии И.В. Гёте «Фауст», выполненный В.Э. Прибом.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческая стратегия, форенизация, доместикация, буквализм, эквивалентность, эквиметричность, трансформация.

«Однако время идёт, культурный уровень читающей публики повышается... А это значит, что вопрос о буквализме в переводческом искусстве требует пересмотра с каждым новым шагом русской культуры».

М.Л. Гаспаров, 1988.

Определяя в 2008 году современное состояние теории перевода в России, известный учёный-переводовед И.С. Алексеева делает акцент на том, что это «невозможно без оценки предшествующего развития» [Алексеева, 2008: 26]. Далее она обращается к рассмотрению периода первого научного обобщения в сфере перевода, приходящегося на первую половину XX века, и отмечает: «Первым серьёзным научным трудом такого рода явилась монография А.В. Фёдорова «О художественном переводе», опубликованная в 1941 г.» [Там же: 26–27]. Однако И.С. Алексеева упоминает любопытный исторический факт: «Кстати, термины “эквивалентность” (как передачу всех значимых слов подлинника) и “эквилинеарность” (как воспроизведение специфики всех синтаксических структур подлинника), введённые в обиход ещё русскими формалистами в

20-е гг. и подвергшиеся сокрушительной критике особенно в 30-е г., сам Фёдоров, как и другие исследователи этого периода, старается не употреблять» [Там же: 27]. Под формалистами здесь скорее всего подразумеваются так называемые буквалисты, которым отдельно посвящена монография А.Г. Азова «Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы», где в предисловии А. Борисенко пишет: «Во второй половине XX в. в России один только Михаил Леонович Гаспаров осмеливался говорить, что “буквализм — не бранное слово, а научное понятие”. Так он написал в статье “Брюсов и буквализм” <...> Коллеги тут же дали ему достойный отпор, ведь к тому времени уже всем было известно, что буквалисты — бездарные и чуждые народу отщепенцы и ничего хорошего в них нет. Никто, правда, не слышал, что говорили о переводческом ремесле сами буквалисты...» [Азов, 2013: 7].

Что касается М.Л. Гаспарова, то в своей статье «Брюсов и буквализм» он ведёт следующие рассуждения: «Когда бывает необходимо предать анафеме переводческий буквализм и когда для этого оказываются недостаточными имена мелких переводчиков 1930-х годов, тогда извлекаются примеры буквализма из “Энеиды” в переводе Брюсова, и действенность их бывает безотказна. <...> Но, кажется, до сих пор никто не задавался вопросом: как это случилось, что большой поэт, опытный переводчик, <...> вдруг именно здесь, в переводе своего любимого Вергилия, над которым он трудился многие годы, потерпел такую решительную неудачу?» [Гаспаров, 1988: 29]. На этот вопрос сам М.Л. Гаспаров отвечает так: «Буквализм был для него не “издержкой производства”, а сознательно поставленным заданием» [Там же: 29]. Иными словами, В.Я. Брюсов пытался детально передать на русский язык всю образно-языковую (формосодержательную) замысловатость древнеримской поэзии Вергилия.

Формализм (или буквализм) оказывается тесно связанным с «лингвистическим подходом» к переводу: «Так называемый “лингвистический подход”, т.е. попросту учёт объективной языковой основы при переводе, исповедуемый Фёдоровым и Рецкером, в 50-е гг. испытывает натиск критики за “формализм” и “буржуазность”, зато большим успехом и официальным одобрением пользуются взгляды И. Кашкина, <...> называя такой подход “методом реалистического перевода”» [Алексеева, 2008: 27]. Следует отметить, что данная ситуация является неоднозначной. Во-первых, И.А. Кашкин, обладая знаниями и суждениями той эпохи, судя по всему, ставит знак равно между художественным текстом и живой спонтанной речью и, соответственно, определяет им одинаковый

метод перевода. Позднее М.М. Бахтин напишет, что спонтанная (бытовая) речь и художественный текст — это разные речевые жанры, а именно первичный (простой) и вторичный (сложный), соответственно [Бахтин, 1979]. Это означает, что они требуют, как минимум, разных методов исследования [Формановская, 2002], а как максимум, разных методов перевода [Райс, 1978]. В то же время, перевод обладает свойством множественности [Чайковский, 2008], и две полярные стратегии — остранения (форенизации) и одомашнивания (доместикации) [Venuti, 1995], равно как и результаты их реализации — переводные тексты — вполне могут сосуществовать.

Однако, очевидно, И.А. Кашкина подобный вариант категорически не устраивал — он признавал лишь однополярную модель переводческой стратегии, тяготеющую к одомашниванию перевода. Позволим себе на этот счёт вспомнить точку зрения Р.О. Якобсона на однополюсность как на искусственную и ущербную схему, заменяющую реальную двухполюсность [Якобсон, 1990]. Н.К. Гарбовский пишет: «Как хорошо известно, весь переводческий опыт состоит из противоборства противоположных тенденций» [Гарбовский, 2007: 129]. В рассматриваемом случае сторона И.А. Кашкина проявила себя по отношению к оппонентам особенно агрессивно. Из очерка «Критика по-американски» одного из крупнейших представителей «порочного» буквализма, поэта и прозаика Г.А. Шенгели мы узнаём, что И.А. Кашкин в своей идеологической борьбе не гнушался никакими средствами — ни клеветой, ни антипропагандой в средствах массовой печати, ни умением проигнорировать очевидные достоинства в переводах оппонентов. Вот что пишет сам Г.А. Шенгели: «Кашкин отваживается даже заявить, что у меня в переводе “даже когда похоже, это не так” (т.е., очевидно, не так, как хочется Кашкину и его друзьям...)»¹. В итоге буквализм как стратегия перевода была низведена до нелепого явления в истории советской переводческой мысли. «Метод реалистического перевода» И.А. Кашкина, казалось бы, одержал идеологическую победу.

Однако, как известно, идеологические победы имеют временный характер. С течением времени идеологически выдержанные концепции исчерпывают себя, не выдерживая натиска реальности. В рассматриваемом случае реальность такова, что философия «буквализма» зиждется на важнейшей категории художественного текста — специфической форме. Например, как стиховеды и поэты, В.Я. Брюсов и Г.А. Шенгели первыми друг за другом обратили

¹ URL: <http://document.wikireading.ru/35626>

внимание на русский дольник. Иными словами, буквалисты осознали ту разницу между художественным текстом и спонтанной речью, которая позднее легла в основу жанроведения М.М. Бахтина и прагматической классификации текстов К. Райс. Следовательно, пересмотр стратегии буквализма оказывается вопросом времени.

Проанализировав ряд источников, мы обнаруживаем косвенные указания на то, что в русском художественном переводе XXI века происходят определённые аксиологические трансформации. Например, в лекции И.С. Алексеевой «Горизонты литературного перевода: вчера, сегодня, завтра» при рассуждении о переводческой школе 30-х гг. XX века отмечается: «Ориентация на правильный, красивый, классический в своем роде русский литературный язык оставалась основной и для нас, начинающих переводчиков в начале 80-х гг. Что же изменилось с тех пор? Побеседовав с известными переводчиками русско-немецкой пары языков, могу сказать, что, похоже, начали меняться приоритеты»². Изменение, динамика является неотъемлемой частью бытия всего сущего и отражается в результатах любой деятельности, в том числе переводческой. В связи с этим, с одной стороны, в подобном экзистенциально-онтологическом контексте уместно вспомнить о метафоре зеркала, в том числе для определения переводческой деятельности, «ибо одним из основных свойств перевода является именно отражение...» [Костикова, 2010: 46]. С другой стороны, как утверждает И.С. Алексеева: «Наряду с функцией переводной литературы как зеркала жизни и средства расширения наших культурных горизонтов, художественный перевод, как и сами подлинники, всё больше становится сценой эстетического и языкового экспериментаторства, своего рода творческой мастерской, в которой могут отрабатываться приёмы, никогда не встречавшиеся в родной литературе»³. Однако исследовательница добавляет: «Задача не новая. Вспоминаются некоторые удивительно дерзновенные эксперименты Марины Цветаевой, в частности, введение в арсенал русской поэзии типично немецких фигур стиля с анафорической аллитерацией: «Доблесть и девственность — сей союз...», тогда как всякий переводчик, воспитанный на традициях отражения в переводе нормы русского литературного языка, заменил бы парное словосочетание какой-нибудь фигурой стиля, более привычной в русской поэзии» [Там же].

² URL: <http://birmaga.ru/dosta/Горизонты+литературного+перевода%3A+вчера,+сегодня,+завтра/main.html>

³ URL: <http://birmaga.ru/dosta/Горизонты+литературного+перевода%3A+вчера,+сегодня,+завтра/main.html>

В качестве современного примера в рамках отмеченной тенденции И.С. Алексеева приводит русский перевод новеллы Э. Мерики «Моцарт на пути в Прагу», выполненный Г.В. Снежинской. Исследовательница подчёркивает: «Мерики пишет красочно, с романтической напыщенностью и церемонностью. Все эти черты стиля подлинника удавалось передать и предшествующим переводчикам. Но есть одна черта, которую можно признать стилевой доминантой: автор идёт на своего рода эксперимент, он оформляет речь главных героев — Моцарта и его жены как ритмическую прозу, которая, по его замыслу, должна была через речь передать музыкальность натуры Моцарта, а также то, что голоса жены и мужа звучат в унисон. Вот эту черту, поражающую нас в подлиннике, до Г.В. Снежинской никому передать не удавалось» [Там же]. Приведённый пример отражения формосодержательной замысловатости подлинника в переводе напоминает ситуацию перевода «Энеиды» Вергилия В.Я. Брюсовым, которую разбирает М.Л. Гаспаров в статье «Брюсов и буквализм» [Гаспаров, 1988].

Другим ярким примером возвращения стратегии буквализма в XXI веке может служить русский перевод первой части трагедии И.В. Гёте «Фауст» В.Э. Прибом, впервые опубликованный в 2012 году и затем доработанный к 2014 году. В тексте его перевода присутствуют и острающие (транскрипция, транслитерация, калькирование, прямой перенос) и, в меньшей степени, одомашнивающие трансформации (умеренная культурная адаптация и русификация).

Что касается элементов доместикации, на одомашнивающие трансформации В.Э. Приб идёт в крайних случаях, в условиях энтропии. В качестве иллюстрации возьмём пример из сцены *Garten (Cad)*, где персонаж Маргарита гадает на цветке под названием *Sternblume* (в одном из значений — любой цветок семейства сложноцветных⁴). В.Э. Приб применяет контекстуальную конкретизацию *Sternblume* → *ромашка* (цветок семейства сложноцветных, на котором в русской культуре принято гадать). Функциональная адекватность данной трансформации представляется очевидной.

Что касается преобладающей форенизации, как показывает анализ его перевода, данный переводчик в первую очередь отчётливо сосредоточен на точном воспроизведении *паралингвистических* нюансов текста гётевской трагедии — это касается как графических маркеров (например, при передаче гётевских неологизмов), так и средств просодии. В.Э. Приб осуществил практически невозмож-

⁴ URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Sternblume>

ное — выполнил эквиметрический перевод первой части трагедии, позволяющий ознакомиться с подлинным перебойным размером «Фауста», реализующим, по мнению данного переводчика, глобальную авторскую интенцию. До В.Э. Приба лучше всего с этой задачей справляется Б.Л. Пастернак, однако последний максимально *приближается* к подлинному размеру оригинала, не выходя за рамки русского силлабо-тонического стихосложения. В.Э. Приб, напротив, не считается с данной системой и именно *передает* на русский язык немецкий народный размер *Knittelverse*, неблагозвучный для русского уха, хотя и интонационно усовершенствованный Гёте⁵. Глобальная авторская интенция И.В. Гёте, по мнению В.Э. Приба, заключается в особенностях стихотворной речи «Фауста». Вот, что он пишет по этому поводу: «Вся трагедия написана Гёте в основном в метре разноstopного (от одного до семи) ямба. <...> На протяжении всей трагедии Гёте чередует во многих местах — не только внутри одной строфы, но и внутри одной строки — ямбический (основной) метр с хореическим: что особо сбивает ритм, мелодию, гармонию стиха. <...> *Knittelverse*, состоящие из ямбических и хореических обрывков... Эта постоянная борьба между божественным совершенством и дьявольским хаосом как ведущая тема трагедии и как суть человека отражается в гётевских многообразных поэтических формах, где совершенно гармонические ямбические строфы снова и снова чередуются с хаотической, предыдущую гармонию разрушающей мешаниной из различных метрик»⁶.

Рассмотрим пример. Сцена *Nacht (Ночь)* завершается хором ангелов, две первые строки которого даны ямбом, а остальные девять — дактилем. Приведём эти девять строк: “*Reißet von Banden // Freudig euch los! // Tätig ihn preisenden, // Liebe beweisenden, // Brüderlich speisenden, // Predigend reisenden, // Wonne verheißenden // Euch ist der Meister nah, // Euch ist er da!*”⁷. В.Э. Приб передает эти строки следующим образом: «*Вырвет из нут всех // Радостно вас! // Славно хвалящие, // Любо дарящие, // Братски кормящие, // Проповедь вящие // Благо носящие, // Мастер вам близок так // Вам он тут всяк*»⁸. При переводе не только воспроизводится дактиль, но и подбираются эквивалентные словоформы — как для преобладающих действительных причастий и наречий, так и для остальных частей речи. При этом позиция данных словоформ сохраняется, на-

⁵ URL: <http://www.philology.ru/literature3/vilmont-85.htm>

⁶ URL: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/Faust-Uebersetzung-Original.html>

⁷ URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2229>

⁸ URL: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/Faust-Uebersetzung-Original.html>

пример, адвербиальное словосочетание (наречие + действительное причастие) *Brüderlich speisenden* передаётся как *Братски кормящие*. Иными словами, рассматриваемый фрагмент перевода выполнен в рамках стратегии, аналогичной избранной В.Я. Брюсовым при передаче на русский язык «Энеиды» Вергилия [Гаспаров, 1988]. Для сравнения приведём тот же фрагмент в переводе Б.Л. Пастернака, выполненном в рамках стратегии доместикации: «*Будьте готовы // Сбросить оковы // Силой святого // Слова его, // Тленья земного, // Сна гробового, // С сердца любого, // С мира всего*» [Гёте, 1985: 30]. В данном варианте перевода также воссоздаётся дактиль, однако, как можно увидеть, Б.Л. Пастернак не сохраняет исходные словоформы в виде преобладающих действительных причастий как особых форм глагола и наречий, а выбирает преимущественно именные части речи в виде существительных, прилагательных и местоимений. Это можно объяснить тем, что для русской поэзии в целом и для творчества Б.Л. Пастернака, в частности характерно избегание глагольных рифм, самое известное исключение составляет ряд произведений с глагольной рифмой из поэзии А.С. Пушкина.

Таким образом, анализ приведённого репрезентативного отрывка показывает, что Б.Л. Пастернак раскрывает мощь русского поэтического языка в своём переводе «Фауста» Гёте. В.Э. Приб, напротив, экспериментируя с возможностями языка перевода в контексте изменения переводческих приоритетов в области художественных текстов и позволяя себе актуализировать непривычные переводческие решения, подобно В.Я. Брюсову в случае с его переводом «Энеиды» Вергилия, максимально приближает русского читателя к дискурсу автора оригинала.

Подводя итог, следует ещё раз отметить, что современная переводческая стратегия В.Э. Приба, очень похожая на стратегию буквализма 30-х годов XX века, прежде всего позволяет ему осуществить одну из самых сложных в воплощении идей — передать трагедию И.В. Гёте «Фауст» эквиметром, отражающим основу прагматической сверхзадачи произведения, в связи с чем русский перевод «Фауста», выполненный В.Э. Прибом, приобретает высокую эпистемологическую ценность в аспекте постижения глобальной интенции Гёте.

В целом осмелимся предположить, что отмеченная тенденция смены переводческих приоритетов соотносится с общим аксиологическим поворотом от постмодернизма к метамодернизму в культуре [Vermeulen, Van den Akker, 2010], позволяющему вновь обратиться к недооценённым явлениям модернизма и аккуратно посмотреть на них с другой — более практической — стороны.

Список литературы

Азов А.Г. Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.

Азов А.Г. Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. URL: <http://document.wikireading.ru/35626>

Алексеева И.С. Современное состояние теории перевода в России (критический обзор). Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 1. С. 26–39.

Алексеева И.С. Горизонты литературного перевода: вчера, сегодня, завтра. URL: <http://birmaga.ru/dosta/Горизонты+литературного+перевода+%3A+вчера,+сегодня,+завтраa/main.html>

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.

Вильмонт Н.Н. Иоганн Вольфганг Гёте. URL: <http://www.philology.ru/literature3/vilmont-85.htm>

Гарбовский Н.К. Теория перевода. 2-е издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М., 1988. С. 29–62.

Гёте И.В. Избранное. В 2-х ч. Ч. 2 / Сост., авт. статей и коммент. А. Аникст. М.: Просвещение, 1985. 207 с.

Костикова О.И. Переводческая критика: «зеркальность» vs. «прозрачность» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2010. № 3. С. 41–54.

Приб В.Э. Фауст. Перевод первой части трагедии Иоганна Вольфганга фон Гёте. Берлин, 2012 (2014). URL: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/Faust-Uebersetzung-Original.html>

Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 202–228.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002. 216 с.

Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода (вводная часть) // Учебное пособие для студентов-филологов. Магадан, 2008. 241 с.

Швейцгер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132.

Duden | Sternblume | Rechtschreibung, Bedeutung, Definition, Herkunft. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Sternblume>

Faust: Der Tragödie erster Teil by Johann Wolfgang von Goethe. The Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2229>

Venuti L. The translator's invisibility: A History of Translation. Routledge, Taylor & Francis Group, London; N.Y., 1995. 356 p.

Vermeulen T., Van den Akker R. Notes on metamodernism. Journal of Aesthetics & culture. Vol. 2, 2010, pp. 1–14.

Yulia A. Pankina,

Senior Lecturer at the Faculty of Fundamental Physical and Chemical Engineering, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: juliana_100@mail.ru

POSSIBLE AXIOLOGICAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIAN LITERARY TRANSLATION IN THE 21ST CENTURY

The present paper deals with changing priorities in the 21st century Russian literary translation in terms of translation strategy. Prerequisites and results of such an axiological transformation are considered. The Russian translation of Goethe's *Faust* by V.E. Prieb serves as the main illustrative material.

Key words: literary translation, translation strategy, foreignization, domestication, literalism, equivalence, equirhythmic translation, transformation.

References

Alekseeva I.S. Sovremennoe sostoyanie teorii perevoda v Rossii (kriticheskiy obzor) [Modern Russian scientific works on Theory of Translation (a critical review)]. *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser. 9*, 2008. No. 1, pp. 26–39 (In Russian).

Alekseeva I.S. Gorizonty literaturnogo perevoda: vchera, segodnya, zavtra [Horizons of literary translation: yesterday, today, tomorrow] URL: <http://bir-maga.ru/dosta/Горизонты+литературного+перевода%3A+вчера,+сегодня,+завтра/main.html>

Azov A.G. Poverzhennyye bukvalisty: iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody [Defeated literarists: from the history of literary translation in the USSR in 1920–1960s]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2013, 304 p. (In Russian).

Azov A.G. Poverzhennyye bukvalisty: iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody [Defeated literarists: from the history of literary translation in the USSR in 1920–1960s]. URL: <http://document.wikireading.ru/35626>

Bakhtin M.M. Aestetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, 423 p. (In Russian).

Chaykovskiy R.R. Osnovy khudozhestvennogo perevoda (vvodnaya chast) [Principles of literary translation (preface)]. Uchebnoye posobie dlya studentov-philologov. Magadan, 2008, 241 p. (In Russian).

Duden | Sternblume | Rechtschreibung, Bedeutung, Definition, Herkunft. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Sternblume>

Faust: Der Tragödie erster Teil by Johann Wolfgang von Goethe [Faust, Part One by Johann Wolfgang von Goethe]: The Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2229>

Formanovskaya N.I. Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod [Verbal communication: a communicative-pragmatical approach]. Moscow, 2002, 216 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda. 2-e izdanie [Theory of Translation. 2nd edition]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007, 544 p. (In Russian).

Gasparov M.L. Bryusov i bukvalizm [Bryusov and literalism]. Poetika perevoda. Moscow, 1988, pp. 29–62 (In Russian).

Goethe J.W. Izbrannoe [Selected]. V 2 ch. Ch. 2. Sost., avt. statei i komment. A. Anikst. Moscow: Prosveshchenie, 1985, 207 p. (In Russian).

Kostikova O.I. Perevodcheskaya kritika: “zernalnost” vs. “prozrachnost” [Translation criticism: Transparency VS Reflection]. *Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 22: Teoriya perevoda*, 2010. No. 3, pp. 41–54 (In Russian).

Prieb V.E. Faust. Perevod pervoy chasti tragedii Ioganna Wolfganga fon Goethe [Translation of Faust, Part One by Johann Wolfgang von Goethe]. Berlin, 2012 (2014). URL: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/Faust-Uebersetzung-Original.html>

Reiss K. Klassifikatsiya textov i metody perevoda [Type, kind and individuality of text] // *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1978, pp. 202–228. (In Russian).

Schweitzer A.D. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty [Theory of Translation: Status, issues, aspects]. Moscow: Nauka, 1988, 215 p. (In Russian).

Venuti L. The translator's invisibility: A History of Translation. Routledge, Taylor & Francis Group, London; N.Y., 1995, 356 p.

Vermeulen T., Van den Akker R. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & culture*. Vol. 2, 2010, pp. 1–14.

Vilmont N.N. Iogann Wolfgang Goethe [Johann Wolfgang Goethe]. URL: <http://www.philology.ru/literature3/vilmont-85.htm>

Jakobson R.O. Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narusheniy [Two aspects of the language and two types of aphasic disorders]. *Teoriya metaphory*. Moscow, 1990, pp. 110–132 (In Russian).